
Научная статья

УДК 94(471.6).084.8

DOI: 10.31007/2306-5826-2023-4-59-49-56

РАБОТА ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ КАБАРДИНО-БАЛКАРСКОЙ АССР ПО БОРЬБЕ С НАРУШЕНИЯМИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В РЕЛИГИОЗНОЙ СФЕРЕ КАК ОДНО ИЗ НАПРАВЛЕНИЙ РЕАЛИЗАЦИИ ХРУЩЕВСКОЙ АНТИРЕЛИГИОЗНОЙ КАМПАНИИ 1958–1964 гг.

Александра Николаевна Такова

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, takova@yandex.ru, <http://orcid.org/10000-0002-8380-6936>

© А.Н. Такова, 2023

Аннотация. Объектом исследования является хрущевская антирелигиозная кампания 1958-1964 гг. и особенности ее реализации в КБАССР с точки зрения работы органов государственной власти по устранению нарушений действующего религиозного законодательства. Под последним понимаются положения Постановления ВЦИК и СНК РСФСР от 8 апреля 1929 г. «О религиозных объединениях». В статье отмечается, что нарушения были многочисленны и имели широкий спектр проявлений. Также в работе предпринята попытка объяснить причину столь резкого антирелигиозного крена, на первый взгляд контрастирующего с общим либерально-демократическим посылом рассматриваемого периода. На основе анализа архивных материалов, главным образом фондов аппарата уполномоченного по КБАССР, реконструируются основные направления деятельности органов государственной власти на местах по реализации мер для устранения нарушений в религиозной сфере. Выявляются причины, способствовавшие затруднению в деле их реализации. Анализируются результаты деятельности органов государственной власти в период хрущевской антирелигиозной кампании в рамках рассматриваемого направления. Делается вывод о низкой результативности принимавшихся мер и слабом их воздействии на роль и место религии в социуме рассматриваемого субрегиона.

Ключевые слова: религия, социум, Кабардино-Балкарская АССР, атеистическая работа, антирелигиозная кампания, религиозная община, верующие, пропаганда, религиозное законодательство

Для цитирования: Такова А.Н. Работа органов государственной власти Кабардино-Балкарской АССР по борьбе с нарушениями законодательства в религиозной сфере как одно из направлений реализации хрущевской антирелигиозной кампании 1958–1964 гг. // Вестник КБИГИ. 2023. № 4 (59). С. 49–56. DOI: 10.31007/2306-5826-2023-4-59-49-56

Original article

THE WORK OF THE STATE AUTHORITIES OF THE KABARDINO-BALKARIAN ASSR IN COMBATING VIOLATIONS OF LEGISLATION IN THE RELIGIOUS SPHERE AS ONE OF THE DIRECTIONS OF THE IMPLEMENTATION OF THE KHRUSHCHEV ANTI-RELIGIOUS CAMPAIGN OF 1958–1964

Aleksandra N. Takova

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific

Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, takova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8380-6936>

© A.N. Takova, 2023

Abstract. The object of the study is the Khrushchev anti-religious campaign of 1958–1964 and the specifics of its implementation in the KBASSR from the point of view of the work of state authorities to eliminate violations of the current religious legislation. The latter refers to the provisions of the Resolution of the Central Executive Committee and the SNK of the RSFSR of April 8, 1929 “On religious associations”. The article notes that the violations were numerous and had a wide range of manifestations. The article also attempts to explain the reason for such a sharp anti-religious bias, which at first glance contrasts with the general liberal-democratic message of the period under review. Based on the analysis of archival materials, mainly the funds of the office of the Commissioner for the KBASSR, the main directions of the activities of local government bodies on the implementation of measures to eliminate violations in the religious sphere are reconstructed. The reasons that contributed to the difficulty in their implementation are identified. The results of the activities of state authorities during the Khrushchev anti-religious campaign in the framework of the direction under consideration are analyzed. The conclusion is made about the low effectiveness of the measures taken and the weak impact on the role and place of religion in the society of the sub-region under consideration.

Keywords: religion, society, Kabardino-Balkaria ASSR, atheistic work, anti-religious campaign, religious community, believers, propaganda, religious legislation.

For citation: Takova A.N. The work of the state authorities of the Kabardino-Balkarian ASSR to combat violations of legislation in the religious sphere as one of the directions of the implementation of the Khrushchev anti-religious campaign of 1958–1964. Vestnik KBIGI = KVINN Bulletin. 2023; 4 (59): 49–56. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2023-4-59-49-56

При изучении государственно-конфессиональных отношений послевоенного периода рельефно выделяется временной промежуток между 1958–1964 гг. В историю он вошел под названием «хрущевская антирелигиозная кампания». Сутью данного периода являлось значительное и всемерное усиление антирелигиозных мероприятий государства, одним из главных направлений которых стала работа по устранению нарушений в рамках действующего религиозного законодательства. Реализация данного направления имела свои особенности в различных регионах страны, оказывавших заметное влияние на приемы и методы ее осуществления, и, в итоге, на результат. Основными источниками для написания работы послужили архивные материалы, извлеченные, главным образом из фондов аппаратов уполномоченных по субрегиону, большинство из которых впервые вводится в научный оборот. Некоторые аспекты рассматриваемой темы затрагиваются в работах М.И. Одинцова, С.М. Зинчука, Е.Н. Шишкина [Одинцов 2013, Зинчук 2019, Шишкин 2018] и др. авторов. Основными методами исследования являются анализ архивных материалов, дедукция, индукция, микроанализ, социальная психология.

Очередное масштабное наступление на религию, имевшее место в нашей стране в период между 1958 и 1964 гг., причем самое значительное за весь послевоенный период, на первый взгляд плохо согласуется с общим либерально-демократическим посылом хрущевского периода, за который небезосновательно закрепился термин «оттепель». Однако, при внимательном рассмотрении становится ясно, что имевший место резкий антирелигиозный крен органично вписывается в общий дискурс эпохи. Сутью данного дискурса, в широком смысле, стала ревизия советской социальной политики периода Великой Отечественной войны и первых послевоенных лет, отличавшаяся, заметным смягчением государственного пресса. В религиозной сфере в этот период были реализованы значительные преобразования, способствовавшие ее легализации, обретению правовых основ существования в рамках советской системы, для которой атеизм оставался одним

из краугольных камней. Подобного рода преобразования, с точки зрения рассматриваемого времени, трактовались как вынужденный отход от марксизма-ленинизма, совершенный под воздействием вызовов военного периода. Теперь же активно реализовывался курс, направленный в широком смысле на очищение истинного коммунизма от искажений периоде сталинизма, к которым, безусловно, относилась и либерализация государственно-конфессиональных отношений. Таким образом, хрущевская антирелигиозная кампания является типичным продуктом рассматриваемой эпохи, органично вписываясь в ее общий дискурс.

Отправной точкой хрущевской антирелигиозной кампании считается принятие секретного Постановления ЦК КПСС от 4 октября 1958 г. «О записке отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС по союзным республикам „О недостатках научно-атеистической пропаганды“» [Записка Отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС по союзным республикам «О недостатках научно-атеистической пропаганды»], в соответствии с которым предписывалось партийным, комсомольским и общественным организациям развернуть тотальное наступление на религиозные организации, которым, по определению, не было места в строящемся коммунистическом обществе. Одним из направлений данной работы являлось приведение деятельности религиозных организаций в соответствии с действующим в стране законодательством. Под последним понималось Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 8 апреля 1929 г. «О религиозных объединениях» [Постановление СНК СССР «О порядке открытия церквей»], которое хотя и подвергалось неоднократно уточнениям, редактированию и дополнениям, в целом до конца советской эпохи продолжало оставаться основным документом, регулирующим положение религии в советском обществе. Подробно анализируя содержание данного документа, исследователь М.И. Одинцов отмечает, что в соответствии с ним в отношении деятельности религиозных организаций предусматривалось большое число ограничений. Так, «...им было запрещено создавать кассы взаимопомощи, кооперативы, производственные объединения, пользоваться находящимся в их распоряжении имуществом для каких-либо иных целей, кроме удовлетворения религиозных потребностей; оказывать материальную поддержку своим членам; организовывать как специальные детские, юношеские, женские молитвенные и другие собрания, так и общие библейские, литературные, рукодельческие, трудовые, по обучению религии и т.п. собрания, группы, кружки, отделы, а также устраивать экскурсии и детские площадки, открывать библиотеки и читальни, организовывать санатории и лечебную помощь. В молитвенных зданиях и помещениях разрешалось хранить только книги, необходимые для отправления данного культа; не допускалось преподавание каких бы то ни было религиозных вероучений в государственных, общественных и частных учебных и воспитательных заведениях» [Одинцов 2013: 231]. То есть религиозная деятельность в идеале должна была вестись исключительно в стенах религиозного здания. В годы Великой Отечественной войны и первые послевоенные годы от положений данного Постановления существенно отклонились, причем как религиозные организации, так и органы государственной власти. В соответствии же с Постановлением 1958 г. предполагалось вернуться к их строгому выполнению, подспудно устраняя накопившиеся в годы «вынужденной» либерализации государственно-конфессионального курса нарушения.

Рассматриваемый в настоящей статье вопрос об устранении нарушений действующего в религиозной сфере законодательства несколько позже был конкретизирован в Постановлениях ЦК КПСС от 13 января 1960 г. «О мерах по ликвидации нарушений духовенством советского законодательства о культах» [Остроухова 2020: 165] и от 16 марта 1961 г. «Об усилении контроля за выполнением законодательства о культах» [Остроухова 2020: 165]. Также усиление мер в данном направлении нашло отражение в положениях Уголовного кодекса 1960 г. По статье 142 («Нарушение законов об отделении церкви от государства»), наказание

было увеличено с двух до трех лет лишения свободы. Статья 227, касаемая создания группы (в том числе религиозной), «...причиняющей вред здоровью» и посягающей на личность и права граждан, предусматривала теперь вместо трех до пяти лет лишения свободы [Зинчук 2019: 71–72].

На момент начала хрущевской антирелигиозной кампании в республике была официально зарегистрирована деятельность 19 религиозных организаций: 8 православных [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 2. Д. 351. Л. 58], 5 баптистских, 1 иудейской и 5 мусульманских [УЦГА АС КБР. Ф. Р 780. Оп. 1. Д. 122. Л. 12]. Данные цифры не отражают реального положения дел в религиозной сфере республики. Дело в том, что существовавшая в то время процедура регистрации религиозных обществ и групп, определяемая положениями Постановлений СНК СССР 1943 и 1944 гг. «О порядке открытия церквей» (1943 г.) [Постановление «О порядке открытия церквей»] и «О порядке открытия молитвенных зданий религиозных культов» (1944 г.) [Постановление «О порядке открытия молитвенных зданий религиозных культов»], была довольно сложной. Механизм ее реализации был сопряжен с преодолением немалого числа формальностей, что было реально возможно лишь при однозначной заинтересованности в регистрации религиозной общины или группы соответствующими органами. По сути, данные Постановления, при всей их бесспорной исторической значимости, включали в себя огромное число требований по отношению к общинам или группам, желавшим обрести официальную регистрацию, что делало данный процесс труднореализуемым. По этому поводу Е. Шишкин справедливо отметил, что их уместнее было бы назвать «...о порядке отклонения ходатайств верующих» [Шишкин 2018: 88]. Ввиду данного обстоятельства немало религиозных общин и групп по различным причинам не могли добиться официальной регистрации, в связи с чем действовали неофициально. Поэтому на протяжении 40–80-х гг. XX в. в Кабардино-Балкарии, как и в других регионах страны, помимо небольшого числа официально зарегистрированных религиозных общин, количество которых было стабильным и фактически не менялось на протяжении всего рассматриваемого в работе периода, действовало много незарегистрированных, причем в разы превосходящих официальные по своему количеству. Сведения о данном явлении в КБАССР многочисленны и проходят «красной» нитью через весь имеющийся комплекс источников. Они позволяют обоснованно утверждать, что в республике в 40–80-х гг. XX в. в каждом населенном пункте имелись очаги религиозной жизни, обеспечивающие текущие религиозные потребности населения. Сюда относятся, главным образом, культовые здания, лица, занимающиеся отправлением религиозных треб и, собственно, сами религиозные сообщества и/или группы.

Важно также отметить, что незарегистрированная религиозная деятельность в республике была явлением не просто обыденным. О ней были полностью осведомлены местные власти, равно как и о том, что она прямо нарушает действующее законодательство. Однако, стоит отметить, что в большинстве своем каких-либо последовательных и конкретных мер для пресечения подобных явлений властями республики на местах не предпринималось. Напротив, нередко местные власти старались замалчивать данного рода факты. Последний тезис хорошо иллюстрирует один из документов, в котором в частности уполномоченным отмечалось, что в КБАССР «...большинство сельских советов сообщает, что в селениях, подведомственных им не имеется ни служителей, ни групп верующих и вообще никакой религиозной деятельности нет. Если поверить этому, то Кабардино-Балкария может считаться самой атеистической республикой Северного Кавказа» [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 31. Д. 166. Л. 4]. Сам по себе данный факт довольно любопытен. По нашему мнению он свидетельствует о сознательном нежелании местных властей устранять явные нарушения действующего законодательства о культах. Возможно, де-факто существовал принцип их невмешательства в религиозную

жизнь, которая, воспринималась как важный и необходимый для нормальной жизнедеятельности социума элемент, не подлежащий какому-либо административному регулированию. Хорошо иллюстрирует последний тезис один из документов фонда аппарата уполномоченного, в котором по данному поводу говорится следующее «...в деле контроля за деятельностью групп верующих и служителей культа местные Советы не участвуют и занимают позицию невмешательства. Об этом свидетельствуют факты проведения общественных намазов под открытым небом на территории сельских кладбищ без ведома и разрешения местных органов, строительство культовых зданий под видом кладбищенских построек для хранения погребального инвентаря, совершение мусульманских обрядов в присутствии коммунистов, которые безразлично взирают на эти факты» [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1705. Л. 53].

В целом в республике нарушения религиозного законодательства имели массовый характер и широкий спектр проявлений. Наиболее существенное внимание в борьбе с ними в годы хрущевской антирелигиозной кампании было сосредоточено на выявлении наличия и/или фактической публичной деятельности официально незарегистрированных религиозных общин, культовых зданий и служителей культа и, соответственно, попыткам их ликвидации и/или пресечения их деятельности.

За годы кампании в республике была проведена большая работа по выявлению реально действовавших культовых зданий. В материалах уполномоченного содержатся сведения о многочисленных строениях, использовавшихся для религиозных целей. Чаще всего в качестве таковых выступали кладбищенские постройки, официально предназначавшиеся для хранения погребального инвентаря [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1053. Л. 8]. Также фактически продолжал действовать и ряд культовых зданий, официально закрытых еще в 20–30-гг. XX в., но так и не перепрофилированных под светские нужды [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1053. Л. 9]. Неединичными были также случаи самовольного строительства новых культовых сооружений [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1053. Л. 10].

Несмотря на выявление большого числа незаконно возведенных и/или фактически действовавших без официальной регистрации культовых зданий, за весь период хрущевской антирелигиозной кампании в республике не было зафиксировано ни одного случая их сноса и/или закрытия. Это, несомненно, отличает Кабардино-Балкарию от большинства других регионов страны. Весьма интересный рассказ, касаемый данного аспекта содержится в одном из архивных документов. Так, в 1964 г. в с. Чегем I. был выявлен факт самовольного возведения культового здания под видом сторожки на территории кладбища и проведение в нем регулярных религиозных собраний и общественных намазов. Властями было принято решение о сносе данного строения. Однако реализовать его не удалось. В официальном отчете уполномоченного говорится, что для сноса строения был отправлен бульдозер, однако «...бульдозерист, узнав, какая предстоит ему работа, бросил машину и ушел» [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1981. Л. 32]. Интересно отметить, что его поступок вызвал словестные одобрения и аплодисменты присутствовавших при этом жителей села. Представителям же местной власти, в свою очередь «...с трудом удалось успокоить верующих, которые грозились поехать с жалобой в республиканские органы» [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1981. Л. 32], так как, по их словам, данная мечеть была построена «...с помощью колхоза и с ведома сельсовета» [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1981. Л. 32]. В итоге культовое здание на территории кладбища в с. Чегем I осталось цело.

Схожим образом обстоит дело и с фактом наличия в КБАССР многочисленных, официально незарегистрированных служителей культа. В Информационном отчете «О состоянии и деятельности религиозных культов по КБАССР (1958 г.)», по этому поводу говорилось «...что касается деятельности незарегистрированных

служителей религиозного культа, то таковые имеются в каждом селении и они занимаются отправлением религиозных обрядов при похоронах и венчании по просьбе верующих» [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1053. Л. 10]. При этом отмечалось, что «...многочисленные незарегистрированные служители-муллы...действуют открыто и никаких ограничительных мер к ним не принимается» [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1699. Л. 15], они спокойно «...занимаются своим делом и не поднимают вопрос о регистрации» [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1699. Л. 16].

В период хрущевской антирелигиозной кампании в республике была проведена большая работа по выявлению реального числа действующих, но официально незарегистрированных служителей культа. Полной ясности в данный вопрос она, правда, не внесла. Так, в документе за 1960 г. говорилось о выявлении «...более чем 40 незарегистрированных мулл» [УЦГА АС КБР. Ф. Р. 860. Оп. 1. Д. 112. Л. 288]. В 1962 г. заявлялось уже о «...многочисленных незарегистрированных служителях – муллах, которых выявлено свыше 70 человек» [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1699. Л. 15]. Еще в одном документе не назывались какие-либо общие цифры, но приводилась интересная пропорция количества незарегистрированных служителей культа по отношению к зарегистрированным: «...только в Чегемском районе на одного зарегистрированного служителя культа – М.Э., приходилась деятельность незарегистрированных в количестве около 20 человек» [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1981. Л. 31].

Выявление и попытки постановки на учет официально незарегистрированных служителей религиозного культа республики были проявлением так называемой приходской реформы, являвшейся, в свою очередь, важной составной частью хрущевской антирелигиозной кампании. Ее генеральная цель состояла в отстранении служителей культа от руководства религиозными общинами и превращение их фактически в требоисполнителей, работающих за фиксированный оклад и платящих, при этом, подоходный налог. В связи с этим мероприятия в рамках данной реформы предполагали выявление всех реально действующих служителей культа и постановку их на налоговый учет, также перевод их деятельности на оклады, а подспудно – введение твердых расценок за совершаемые требы и квитанционной системы их учета. Важно отметить, что в случае, если служитель культа был человеком пенсионного возраста, а таковых в республике было подавляющее большинство, то он ставился перед выбором или продолжать свою деятельность и лишиться пенсии или сохранить пенсию, но отказаться от исполнения треб, то есть, фактически порвать с религиозной практикой. В связи с этим, поставленные в подобные условия представители духовенства нередко заявляли о прекращении своей деятельности. Данного рода эпизодам власти, в свою очередь, старались придавать гласность.

Реализация приходской реформы в КБАССР на первый взгляд имела очевидный положительный результат – произошло уменьшение числа служителей культа, так как ряд представителей данной социальной группы публично отказался от обязанностей по требоисполнению [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1900. Л. 13]. Однако данный результат имел важный побочный эффект: очень скоро в республике обнаружилась нехватка служителей. Подтверждают данный тезис архивные материалы за 1962–1965 гг. в которых, нередко, встречаются жалобы верующих, а порой и представителей администраций населенных пунктов о том, что в ряде селений стало некому хоронить умерших и поэтому «...сельсоветы вынуждены уговаривать служителей заняться похоронами» [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 31. Д. 166. Л. 3].

Своеобразно в республике решался и вопрос о выплате подоходного налога, которым было обложено некоторое число служителей культа. Чаще всего обязанности по его выплате перекладывались на верующих [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1705. Л. 53]. В одном из документов уполномоченным был даже

задокументирован конкретный механизм его реализации, выявленный в нескольких селениях республики. В нем, в частности, сообщалось, что «...во многих селах колхозники косят траву со свободных площадей... кладбищ и сено реализуют, а выручка идет на выплату налога муллы и на ограждение кладбищ, а также на создание так называемого «фонда муллы» для благотворительной деятельности» [УЦГА АС КБР. Ф. Р. 780. Оп. 1. Д. 122. Л. 88].

В итоге ситуация со служителями культа под воздействием мер в рамках хрущевской антирелигиозной кампании развивалась следующим образом: имело место незначительное сокращение числа официально зарегистрированных служителей, в то время как число неофициальных не менялось. Оплата же подоходного налога осуществлялась коллективно жителям того или иного населенного пункта.

Хрущевская антирелигиозная кампания была свернута вместе со сменой власти в стране, то есть в 1964 г., что выразилось в отходе от массивной антирелигиозной пропаганды и сворачивании мер, направленных на приведение положения дел в религиозной сфере в соответствие с требованиями действующего законодательства о культах. С этого времени атеистическое направление в деятельности органов государственной власти, несмотря на ее перманентное фоновое присутствие, вошло в спокойное русло. Борьба с религией продолжалась осуществляться и в последующие годы, практически вплоть до конца советского периода, но без резких всплесков. В Кабардино-Балкарии, как и в целом по стране, реализация мер в рамках хрущевской антирелигиозной кампании не оказала заметного воздействия на место и роль религии в повседневной жизни социума. Данная кампания в очередной раз продемонстрировала, с одной стороны, устойчивость религии, а с другой, фактически абсолютную невозможность оказывать на нее сколько-нибудь существенное воздействие административными методами.

Список источников

Записка Отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС по союзным республикам «О недостатках научно-атеистической пропаганды» [Электронный ресурс]. URL. [http:// rusoir.ru/03print/03print-02/03print-02-239/](http://rusoir.ru/03print/03print-02/03print-02-239/)

Зинчук 2019 – *Зинчук С.М.* Хрущевская антирелигиозная кампания 1954–1964 гг.: практическая реализация и результаты // Вестник Костромского государственного университета. 2019. № 1. С. 71–75.

О религиозных объединениях [Электронный ресурс]. URL. [http:// docs.cntd.ru/document/9056238](http://docs.cntd.ru/document/9056238)

Одинцов 2013 – *Одинцов М.И.* Патриарх Сергей. М.: Молодая гвардия, 2013. 395 с.

Остроухова 2020 – *Остроухова Н.В.* Особенности нормативно-правового регулирования государственно-церковных отношений в СССР (1953–1963) // *Via in tempore*. История. Политология. 2020. Т. 47. № 1. С. 160–169.

Постановление СНК СССР «О порядке открытия церквей» [Электронный ресурс]. URL. [http:// docs.historyrussia.org/...snk-sssr-o...otkrytiya...1943...](http://docs.historyrussia.org/...snk-sssr-o...otkrytiya...1943...)

УЦГА АС КБР – Управление Центрального государственного архива Архивной службы Кабардино-Балкарской Республики (УЦГА АС КБР). Ф. Р-780. «Уполномоченный по делам религиозных культов»; Ф. Р-860. «Религиозные организации».

УЦДНИ АС КБР – Управление Центра документации новейшей истории Архивной службы Кабардино-Балкарской Республики (УЦДНИ АС КБР). Ф. 1 «Религия. Религиозные организации».

Шишкин 2018 – *Шишкин Е.Н.* Вопрос об открытии церквей на территории Ставропольской и Бакинской епархии 1943–1948 гг. // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия II. История. История русской православной церкви. 2018. Вып. 82. С. 84–103.

References

Zapiska Otdela propagandy i agitacii CK KPSS po soyuznym respublikam «O nedostatkah nauchno-ateisticheskoy propagandy» [Note by the Propaganda and Agitation Department of the Central Committee of the CPSU for the Union Republics “On the shortcomings of scientific atheistic propaganda”]. [Elektronnyj resurs]. URL. [http:// rusoir.ru/03print/03print-02/03print-02-239/](http://rusoir.ru/03print/03print-02/03print-02-239/) (In Russian)

ZINCHUK S.M. *Hrushchevskaya antireligioznaya kampaniya 1954–1964 gg.: prakticheskaya realizaciya i rezul'taty*. [Khrushchev's anti-religious campaign of 1954–1964: practical implementation and results]. IN: Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta, 2019. № 1. P. 71–75 (In Russian)

O religioznyh ob'edineniyah [About religious associations]. [Elektronnyj resurs]. URL. [http:// docs.cntd.ru/document/9056238](http://docs.cntd.ru/document/9056238) (In Russian)

ODINCOV M.I. *Patriarh Sergij* [Patriarch Sergius]. Moskva: Molodaya gvardiya, 2013. 395 p. (In Russian)

OSTROUHOVA N.V. *Osobennosti normativno-pravovogo regulirovaniya gosudarstvenno-cerkovnyh otnoshenij v SSSR (1953–1963)*. [Features of the legal regulation of state-church relations in the USSR (1953–1963)]. IN: Via in tempore. Istoriya. Politologiya. 2020. V. 47. № 1. P. 160–169 (In Russian)

Postanovlenie SNK SSSR «O poryadke otkrytiya cerkvej» [Resolution of the Council of People's Commissars of the USSR “On the procedure for opening churches”]. [Elektronnyj resurs]. URL. [http:// docs.historyrussia.org...snk-sssr-o...otkrytiya...1943...](http://docs.historyrussia.org...snk-sssr-o...otkrytiya...1943...) (In Russian)

Upravlenie Central'nogo gosudarstvennogo arhiva Arhivnoj sluzhby Kabardino-Balkarskoj Respubliki (UCGA AS KBR). [Department of the Central State Archive of the Archival Service of the Kabardino-Balkar Republic]. F. R-780 «Upolnomochennyj po delam religioznyh kul'tov»; F. R-860 «Religioznye organizacii» (In Russian)

Upravlenie centra dokumentacii noveyshey istorii arhivnoj sluzhby kabardino-balkarskoj respubliki (UCDNI AS KBR) [Department of the Center for Documentation of Modern History of the Archival Service of the Kabardino-Balkar Republic]. F. 1 «Religiya. Religioznye organizacii» (In Russian)

SHISHKIN E.N. *Vopros ob otkrytii cerkvej na territorii Stavropol'skoj i Bakinskoj eparhii 1943–1948 gg.* [The issue of opening churches in the Stavropol and Baku dioceses 1943–1948]. IN: Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tihonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya II. Istoriya. Istoriya russkoj pravoslavnoj cerkvi. 2018. V. 82. P. 84–103 (In Russian)

Информация об авторе

А.Н. Такова – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора новейшей истории.

Information about the author

A.N. Takova – Candidate of Science (History), Senior Researcher of the Sector of Modern History.

Статья поступила в редакцию 20.11.2023; одобрена после рецензирования 12.12.2023; принята к публикации 26.12.2023.

The article was submitted 20.11.2023; approved after reviewing 12.12.2023; accepted for publication 26.12.2023.